

Ричард Бах. Чайка Джонатан Ливингстон

Музыка, свет

1-я: Какое утро! И новое солнце золотом разлилось по испещренной рябью поверхности моря...

2-я: Слышишь зов над водой? Это сигнал к завтраку. Большой сбор.
Чайки выбегают

3-я: Ты снова хитростью и силой пытаешься урвать кусок пожирнее?

4-я: А где Джонатан Ливингстон?

5-я: (презрительно) Он тренируется

6-я: Вдали от остальных, один, высоко над лодкой и берегом.

Джонатан: (гордо) Да! Поднявшись на сто футов в небо, выгнув крылья, придав им форму жесткой болезненно изогнутой кривой. Такая форма крыльев должна до предела замедлить полет.

7-я: Смотрите-ка! Он скользит все медленнее и медленнее.

Джонатан: Свист ветра в ушах сменяется едва слышным шепотом, и океан застыл внизу неподвижно. Еще... на один... единственный... дюйм... круче... эту... кривую...

Чайки: (смеясь) Перья его дрогнули, спутались, он окончательно потерял скорость, опрокинулся и рухнул вниз.

8-я: Но ведь с чайками такое не случается никогда.

9-я: Чайка не может остановиться в полете, потерять скорость.

Чайки: Это позор, это бесчестье.

Джонатан: Странно, но я не ощущаю стыда. Ещё раз вытянуть крылья в жесткую дрожащую кривую... медленнее, медленнее и... опять неудача. И снова, и снова. Ведь я не обычная птица. Большинство чаек не утруждает себя изучением чего-то большего, чем элементарные основы полета. Отлететь от берега на кормежку и вернуться... этого вполне достаточно. Ведь для большинства имеет значение не полет, но только лишь еда. (гордо крича) Но для меня, Чайки по имени Джонатан Ливингстон важен полет. А еда - это так... Потому что больше всего на свете я люблю летать.

10-я: Но ведь такой подход к жизни не прибавляет ему популярности в Стае.

11-я: Мы все обескуражены тем, что он проводит день за днем в одиночестве, сотни раз повторяя низкие планирующие спуски.

12-я: Почему он никогда не заканчивает планирующий спуск обычным образом - с размаху плюхаясь брюхом на воду, предварительно растопырив лапы?

13-я: Почему вместо этого он выполняет длинное плоское скольжение, едва касаясь поверхности воды вытянутыми вдоль тела лапами?

Мать: Но почему, Джон, почему? Почему так трудно быть таким же, как все? Низко летают пеликаны. И альбатросы. Вот пусть они и планируют себе над водой! Но ты же - чайка! И почему ты совсем не ешь?

Взгляни на себя, сынок, кости да перья!

Джонатан: Ну и пусть кости да перья. Но я совсем неплохо себя чувствую, мама. Просто мне интересно: что я могу в воздухе, а чего не могу. Я просто хочу знать.

Мать: Послушай-ка, Джонатан, скоро зима, и судов на море поубавится. А рыба, которая обычно живет у поверхности, уйдет вглубь. Так что уж если тебе настолько необходимо что-нибудь изучать, изучай способы добычи пропитания. А твои летные эксперименты оно, конечно, замечательно, однако, сам понимаешь, планирующим спуском сыт не будешь. Ты летаешь для того, чтобы есть. И не стоит об этом забывать.

Джонатан, послушно кивнув, идёт в стаю. Общий танец, Джонатан пытается пристроиться к стае, но у него не получается. Он уходит

Джонатан: Нелепость какая-то! Все это время я мог бы потратить на изучение полета. Ведь ещё столько всего предстоит узнать! Я снова в море! Я учусь в одиночестве, голодный и... счастливый.

Джонатан пытается рассказывать чайкам о своих успехах, но они отворачиваются

Джонатан: Объектом исследования была скорость, и за неделю практики я узнал о скорости полета больше, чем самая быстрая чайка постигает за всю жизнь.

- Я понял, почему чайки никогда не пикируют, работая крыльями.

- Десять раз я пробовал, и все десять раз, едва миновав границу скорости в семьдесят миль в час, терял управление и комком спутанных перьев обрушивался в воду.

- В конце концов, мне в голову пришла мысль: ключ, должно быть, в том, чтобы вовремя прекратить работать крыльями - разогнаться до пятидесяти миль и зафиксировать крылья неподвижно.

- Я пробовал ещё и ещё, поднявшись теперь уже на высоту в две тысячи футов... разогнался и бросался прямо вниз, замерев с расправленными крыльями, едва лишь была пройдена пятидесятимильная отметка скорости.

- Это требовало невероятных усилий, но прием сработал. Через десять секунд после выхода в пике я преодолел девяностомильную отметку. Мировой рекорд скорости для чаек!

- Но радость победы, как и сама победа, оказалась недолгой. Стоило мне было попытаться изменить угол атаки крыла для выхода из пике, как его немедленно швырнуло во все тот же катастрофически неконтролируемый штопор.

Музыка, танец, падение

- А на скорости в девяносто миль в час это было похоже на взрыв динамитного заряда, и поверхность океана твердостью была подобна кирпичной мостовой.

Голос 1: Ерунда все это. Ты - чайка. Ограниченность - твой удел. Если бы твоим предназначением была скорость и глубокое постижение искусства полета, тело твое от рождения обладало бы соответствующими особыми свойствами, и тогда ум образом работал бы в нужном направлении. Для скорости полета требуются короткие крылья сокола, а их у тебя нет. И питаешься ты холодной рыбой, а не мышами. Нужно оставить всю эту чушь...

Джонатан: Вернуться домой... в Стаю... и быть довольным тем, что я есть. Ибо я - всего лишь жалкая чайка, возможности мои ограничены, и я должен с этим смириться".

Джонатан летит к Стае

Голос 2: Тьма! Чайки во тьме не летают! Никогда! Для этого необходимы врожденные особые свойства! Глаза совы! Короткие соколиные крылья!

Джонатан: Ну да - короткие крылья... **Короткое соколиное крыло!** Вот он ответ! Надо же быть таким идиотом! Ведь нужно всего-навсего укоротить крыло! Сложить, оставив расправленным только самый кончик. И получатся короткие крылья!

Голос 2: Забудь обо всем, не думай ни о смерти, ни о поражении, плотно прижми к телу широкие части крыльев, расправив в набегающем потоке лишь стреловидные заостренные концы, и нырни в вертикальное пике.

Танец

Джонатан: Сто сорок миль в час! И - полный контроль! А если подняться не на две, а на пять тысяч футов... Интересно, какую скорость...

Голос 1: Клятва, которую ты дал себе за несколько минут до этого, забыта?

Голос 2: Она унесена прочь бешеным ветром. Ты, Джонатан, нарушил обещание, однако вины за собой не ощущай. Подобного рода клятвы что-то значат для тех, кто приемлет обыденность. Тому же, кто в познании своем коснулся чего-либо исключительного, нет дела до таких обещаний.

Стая: Вот и взошло солнце! А Джонатан всё тренируется... (презрительно отворачиваются).

Джонатан: я не просто тренируюсь... я ощущаю, что живу и горжусь тем, что покорил свой страх. Я расправляю короткие острые концы крыльев и ныряю вниз, к поверхности моря, набираю максимальную скорость. Встречный поток превращается в плотную твердую стену звука, прорваться сквозь которую не представляется никакой возможности. Это предел, двигаться быстрее я не могу... расправь я на такой высоте крылья - и меня

не станет, но лишь миллион мельчайших клочков разорванной взрывом чайки достигнет поверхности океана. Однако какая в скорости Сила, и радость, и чистая красота!

Танец Джонатана, танец Стаи

Стая: Он не может остановиться!

- Свернуть в сторону - тоже.
- Он просто не имеет ни малейшего понятия о том, как это делается на такой скорости.
- Да это просто какой-то снаряд из перьев и ветра.

Джонатан врывается в центр Стаи

Стая: И только потому, что Чайка Удачи улыбнулась ему в этот раз, никто не погиб.

Джонатан: А ведь это был триумф... Предел скорости! *Двести четырнадцать миль в час!* Величайшее мгновение... истинный прорыв... начало новой эпохи...

Голос 2: Ты, Джонатан, стал первой на земле чайкой, постигшей основы искусства высшего пилотажа. И у тебя теперь нет свободного времени на общение с другими чайками. Ты открываешь для себя мертвую петлю, полубочку, бочку, горку, вертикальное колесо.

Джонатан: Но я всё равно расскажу им обо всем! Когда они узнают о Прорыве, они будут вне себя от радости. Насколько богаче теперь станет жизнь! Ведь если прежде вся она состояла в унылой суете, сейчас в ней появляется смысл!

У нас есть возможность выкарабкаться из неведения, нам дано осознать собственную исключительность и разумность. Мы способны обрести свободу. **И мы можем научиться летать!**

Джонатан подходит к стае

Старейшина: Чайка Джонатан Ливингстон! Ты вызываешься в Круг!

Чайки: Вызов в Круг означает либо всеобщее порицание и величайший позор...

- Либо величайшую честь и всеобщее признание.

Джонатан: Они видели прорыв! Однако почести мне ни к чему. И в лидеры - тоже не хочу. Мне, пожалуй, только хотелось бы поделиться своими находками, показать всем необозримые возможности, открытые каждому из нас.

Джонатан входит в круг

Старейшина: Чайка Джонатан Ливингстон! Изволь подвергнуться порицанию, свидетелями которого надлежит стать всем твоим собратям по Стае

Джонатан: (шепотом, как бы про себя) Но это невозможно! Ведь это Прорыв! (Стае) Вы чего-то не поняли! Тут определенно закралась какая-то ошибка! Ну да, вы ошибаетесь, вы явно не правы!

Стая: ...ибо величайшего позора заслуживают проявленные тобой беспечность...

- и безответственность, равно как и попрание достойных традиций добропорядочного Семейства Чаек...

- и ты - Чайка Джонатан Ливингстон, однажды поймешь, сколь неблагоприятной вещью является безответственность.

- Нам не дано постигнуть смысл жизни. Очевидно же в ней лишь одно: в этот мир мы приходим для того, чтобы питаться и за счет этого как можно дольше в нем существовать...

Джонатан: Безответственность?! Да что вы, сёстры и братья?! Какая же тут безответственность - понять, в чем смысл жизни и открыть пути достижения высшей цели бытия? Скорее, наоборот - посвятивший себя этому как раз и проявляет максимум ответственности. Ведь что мы знали до сих пор - тысячелетия свар из-за рыбьих голов... Теперь у нас появилась возможность постичь, ради чего мы живем. Открытие, осознание, освобождение! Дайте же мне один-единственный шанс, позвольте показать вам то, что я нашел...

Стая: Какие мы тебе сёстры и братья, отступник?!

Стая демонстративно отворачивается и все уходит

Джонатан: Они отказались открыть глаза и увидеть! А я Он обнаружил, что благодаря скоростному пику могу добывать редкую и очень вкусную рыбу, теперь я не привязан к таким вещам, как рыболовецкие суда и размокшие корки заплесневелого хлеба. Я научился спать на лету, не сбиваясь с курса. Это позволяет мне использовать дующий с берега ночной бриз, от заката до восхода преодолевая расстояние в сотню миль...

Голос 2: В одиночестве ты наслаждался плодами того, что некогда намеревался подарить всей Стае. Ты научился летать и не сожалеешь о той цене, которую тебе пришлось заплатить?

Джонатан: Серая скука, и страх, и злоба - вот причины того, что жизнь столь коротка. А я избавил свои мысли от скуки, страха и злобы... И по-настоящему счастлив.

Музыка, две чайки в белом приближаются к Джонатану, летят рядом по обе стороны от него.

Джонатан: Прекрасно. И кто же вы такие?

Чайки: Мы - из Твоей Стаи. Джонатан. Мы- Твои сёстры и мы пришли за Тобой. Пора подниматься выше. Пора возвращаться домой.

Джонатан: Но у меня нет дома. И Стаи - тоже нет. Ведь я - Изгнанник. И, кроме того, сейчас мы парим на самом верхнем уровне Великого Ветра Гор. И я не думаю, что смогу заставить свое тело подняться выше, чем на две-три сотни футов.

Чайки: Сможешь, Ибо Ты обрел знание. Одна школа закончена, пришла пора начинать следующую.

Джонатан: Да, наверное, вы правы. Я могу подняться гораздо выше, и время возвращаться домой *действительно* пришло... Я готов.

Музыка, полёт, затемнение

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Джонатан: Так вот они какие, Небеса... А моё тело... Оно по-прежнему воспринимается, как тело чайки, однако летные качества этого тела значительно превосходили те, которыми я обладал прежде... коэффициент полезного действия тела в два раза выше, чем был в лучшие мои дни на Земле! При тех же затратах сил я смогу лететь вдвое быстрее.

Чайки: Счастливой посадки тебе, Джонатан!

*Выходят чайки в белом,
Джонатан подлетает к ним, они окружают его*

Чайки в белом: Тебе сейчас предстоит узнать об искусстве полета едва ли не больше, чем он узнал за всю свою прежнюю жизнь.

- Однако с одним существенным отличием. Здесь чайки, мыслящие так же, как ты.

- Для каждой из нас самым важным в жизни стало устремление к совершенству в том, что мы любим больше всего.

- А больше всего мы любим летать.

Джонатан: Какие вы замечательные птицы - все без исключения...

Подходит инструктор

Джонатан: Послушай, Салливэн, а где же все остальные? Почему нас так мало здесь? Ведь там, откуда я пришел, было... множество чаек... тысячи и тысячи, я знаю.

Салливэн: Я вижу только один ответ: ты редкая птица, такие встречаются в лучшем случае одна на миллион. Подавляющее большинство из нас развивается так медленно. Мы перелетаем из одного мира в другой, почти такой же, тут же забывая, откуда мы пришли, и не беспокоясь о том, куда идем. Мы просто живем текущим мгновением. А ты представляешь себе, сколько жизней каждому из нас понадобилось прожить, чтобы только лишь осознать: пропитание, и грызня, и власть в Стае -- это еще далеко не все? Тысячи жизней, Джон, десятки тысяч. А после нужно было сообразить, что существует такая штука, как совершенство. На это ушла еще добрая сотня жизней. И еще сотня - на то, чтобы понять: цель жизни - поиск совершенства, а задача каждого из нас -- максимально приблизить его проявление в самом себе. Закон на всех уровнях бытия один и тот же: свой

следующий мир мы выбираем посредством знания, обретенного здесь. И если здесь мы предпочли невежество, и знание наше осталось прежним, следующий наш мир ничем не будет отличаться от нынешнего, все его ограничения сохранятся...

Сэлливэн расправил крылья и повернулся лицом к ветру

Сэлливэн: Но ты, Джон, умудрился столько узнать за одну жизнь, что попал прямо сюда, сэкономив как минимум тысячу воплощений. А теперь продолжим. Синхронная полубочка - штука сложная. Давай-ка еще раз...

Музыка, затемнение

Джонатан (подходя к старейшине): Послушай... этот мир... он ведь вовсе не Небеса, да?

Старейшина: Просто ты в очередной раз учишься, Чайка Джонатан...

Джонатан: Хорошо, но что дальше? Получается, нет *такого места -- Небеса?*

Старейшина: Ты прав, Джонатан: *такого места действительно нет.* Ибо Небеса - не место и не время, но лишь наше собственное совершенство. Ты очень быстро летаешь, правда?

Джонатан: Я... ну, мне нравится скорость...

Старейшина: Ну что ж, тогда ты достигнешь Неба, Джонатан, в тот миг, когда тебе покорится совершенная скорость. А совершенная скорость - это не тысяча миль в час. И не миллион. И даже не скорость света. Ибо любое число суть предел, а предел всегда ограничивает. Совершенство же не может иметь пределов. Так что совершенная скорость - это когда ты просто оказываешься там, куда собираешься направиться.

Старейшина исчез и возник у кромки воды.

Затем, опять в одну и ту же

миллисекунду, он одновременно снова исчез и появился рядом с Джонатаном, у самого его плеча.

Старейшина: Это просто шутка...

Джонатан: Как это делается? И на какое расстояние можно таким образом переместиться?

Старейшина: Можно отправится в любое место и оказаться в каком угодно времени. Все дело в твоём выборе: ты попадешь туда, куда намерен попасть. Путешествуя таким образом в пространстве и во времени, я побывал везде, где и когда хотел побывать. Странно как-то получается, - Чайки, пренебрегающие совершенством ради путешествий из одного места в другое, в итоге так никуда и не попадают, ибо двигаются слишком медленно. Тот же, кто во имя поиска совершенства отказывается от перемещений в пространстве, мгновенно попадает в любое место, куда только пожелает. Так что, Джонатан, запомни: Небеса не есть некое место в пространстве и во

времени, ибо место и время не имеют равным счетом никакого значения. Небеса - это...

Джонатан: Послушай, а ты можешь научить меня так летать?

Старейшина: Конечно, если ты хочешь научиться.

Джонатан: Хочу. Говори, что нужно делать.

Старейшина: Чтобы со скоростью мысли переместиться в любое выбранное тобою место, тебе для начала необходимо осознать, что ты уже *прилетел* туда, куда стремишься. Откажись от представления о себе как о существе, попавшем в западню ограниченного тела с размахом крыльев в сорок два дюйма и характеристиками, которые могут быть замерены и просчитаны. Осознай: твоя истинная природа - совершенная, как ненаписанное число, существует всегда и везде во времени и пространстве.

Попытки Джонатана Стоит с закрытыми глазами

Джонатан: Ну да, ведь я *уже* совершенен, я *всегда был* совершенен! И ничто не может загнать меня в рамки, ибо сам я по природе своей безграничен.

Затемнение, «переход»

Старейшина: (подходя) Молодец!

Джонатан: Где это мы?

Старейшина: По всей видимости, на какой-то планете, где небо зеленое, а вместо Солнца - двойная звезда.

Джонатан: ПОЛУЧИЛОСЬ!!!

Старейшина: Естественно, получилось, Джон. И всегда получается, если знаешь что делаешь.

Затемнение. Возвращение. Чайки в белом встречают их восхищёнными взглядами, начинают поздравлять

Джонатан: Я всего лишь новичок здесь, я только начинаю... Мне еще предстоит многому у вас научиться.

Сэлливэн: Занятная штука, Джон, ведь ты, похоже, совсем не боишься нового...

Старейшина: А теперь, если хочешь, можем перейти к работе со временем, поскольку тебе необходимо научиться свободно перемещаться в прошлое и в будущее. А когда и это будет достигнуто, ты будешь готов к постижению сущности любви и доброты.

Чайки в белом: Джонатан учится с невероятной быстротой.
- Он и раньше все схватывал буквально на лету, даже не имея никакого наставника, кроме обычного опыта.

Старейшина: Джонатан, постарайся постичь, что такое Любовь.

*Затемнение, сияние, Чайки как бы ослеплены,
уход Старейшины*

Чайки в белом: Дни идут, а Джонатан все чаще думает о Земле, о той Земле, откуда пришел в самом начале.

- Если бы там, тогда, ему была известна хотя бы десятая, нет, даже сотая доля того, что он узнал здесь, насколько более насыщенной и эффективной могла бы быть земная часть его жизни!

- он пытается понять, есть ли сейчас там, на Земле, Чайка, которая старается вырваться за пределы врожденных ограничений, постичь значение полета, выходящее за грань понятия о нем лишь как о способе добыть корку хлеба, выброшенную кем-то за борт вместе с помоями.

- Он постигает уроки доброты, ясно видит природу любви, и ему наверняка хочется вернуться на Землю.

- Ведь несмотря на прожитую в одиночестве жизнь, Чайка Джонатан рожден для того, чтобы быть учителем.

- Он видит то, что было для него истиной, и реализовать любовь он может, лишь раскрывая свое знание истины перед кем-нибудь другим ...

- Перед тем, кто искал и кому нужен был только шанс, чтобы открыть истину для себя.

Джонатан: Я хочу вернуться...

Сэлливэн: Тебе ведь уже как-то довелось оказаться в Изгнании. Или, может быть, ты полагаешь, что среди изгнавших тебя тогда мог быть кто-нибудь, кто прислушается к твоим словам сейчас? Ты же знаешь пословицу: *чем выше летает чайка -- тем дальше она видит*. Ведь так оно и есть. Там, откуда ты пришел, все они буквально не отрываются от земли, они копошатся на ней, злословят и грызутся друг с другом. И от Неба их отделяют тысячи миль. А ты намерен сделать так, чтобы они увидели Небо, не сходя с места! Джон, да ведь они дальше концов собственных крыльев взглянуть не способны! Оставался бы лучше, ты нужен здесь. То и дело появляются Новички, они уже поднялись достаточно высоко и способны увидеть то, о чем ты говоришь.

Джонатан: Салли, я чувствую, что должен вернуться. А управиться с Новичками тебе помогут твои ученики, они уже вполне для этого созрели.

Сэлливэн: Мне будет очень тебя не хватать, Джон.

Джонатан: Не говори ерунды! И неужто ты полагаешь, что мы с тобой не встретимся еще раз-другой в беспредельности этого Здесь и Сейчас?

Сэлливэн: Чудак ты, однако, -- мягко произнес он. Но что верно, то верно: если кто-то и способен научить кого-нибудь на Земле видеть нечто, отделенное расстоянием в тысячи миль, то этот кто-то, безусловно, - Чайка Джонатан Ливингстон. До свидания, Джон.

Джонатан: До свидания, Салли. Мы еще встретимся

*Музыка. Затемнение. Перелёт на Землю,
Выход Флетчера*

Флетчер: И плевать, пусть болтают, что хотят, Летать - это ведь не просто хлопать крыльями, таскаясь туда-сюда, как... как... москит какой-то! Подумаешь - бочку крутанул вокруг Старейшины! Я же просто так, шутки ради... И вот пожалуйста - Изгнанник! Дурачье слепое! Вконец отупели, ничего не понимают! Неужели они ни на секунду не задумываются о том, какие перспективы откроются перед ними, если они научатся летать по-настоящему?

Ну да ладно - мне все равно плевать. Пускай думают, что хотят. Я им покажу еще!.. Они у меня увидят, что значит - летать по-настоящему. Вне закона? Хорошо, будем вне закона, если им так нравится.... Но они об этом пожалеют, ох, как пожалеют!..

Джонатан: *Не нужно их ругать, Флетчер. Изгнав тебя, они навредили только сами себе. И когда-нибудь они это поймут, И они поймут то, что понимаешь сейчас ты. А тебе следует простить их и помочь им понять.*

Чайка Флетчер Линд, хочешь ли ты летать?

Флетчер: ДА! Я ХОЧУ ЛЕТАТЬ!

Джонатан: *Чайка Флетчер Линд, достаточно ли сильно твое желание летать для того, чтобы простить Стаю, и учиться, а затем вернуться однажды к ним и трудиться среди них, помогая им обрести знание?*

Флетчер: Да.

Джонатан: Ну что ж, Флетч, тогда начнем с освоения искусства горизонтального полета...

Музыка, танец, присоединение ещё нескольких чаек

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Джонатан: Каждый из нас воплощает идею Великой Чайки -- ничем не ограниченную идею абсолютной свободы. Потому точность и совершенство полета – только первый шаг на пути к раскрытию и проявлению нашей истинной сущности.

Необходимо избавиться от всего, что ограничивает. Вот зачем это все нужно-скоростные полеты, предельное снижение скорости, высший пилотаж...

А теперь... пришла пора возвращаться к Стае.

Флетчер: Но мы еще не готовы! И потом, нас ведь никто туда не звал!

2-я чайка: Мы- Изгнанники! И не можем позволить себе явиться туда, куда нас не звали. Что, разве не так?

Джонатан: Мы свободны... и потому вольны идти, куда хотим, и быть самими собой везде, где бы мы ни находились

3-я чайка: Закон Стаи гласит: изгнанники не возвращаются. И за последние десять тысяч лет Закон этот не преступал никто. Голос Закона запрещает и думать о возвращении.

Джонатан: А вы возвращайтесь, не задумываясь. (улетает)

Джонатан улетает

Флетчер: Нас изгнали. Мы не принадлежим к Стае. С какой стати мы должны обращать внимание на Закон Стаи? И к тому же, если на него нападут, от нас больше толку будет там.

Музыка, Вход в Стаю

Стая: Изгнанники! И они вернулись! Но это... этого не может быть! Так не бывает!

1 из стаи: Ну да, конечно, они - Изгнанники. Но... где они научились так летать?

Председатель: *Не смей обращать на них внимания.* Игнорировать. Всякий, вступивший в беседу с Изгнанниками, сам подлежит немедленному изгнанию. Наблюдение за Изгнанниками расценивается как нарушение Закона.

Стая отворачивается

Музыка, постепенно к ученикам примыкают ещё чайки

Флетчер: В Стае говорят, что ты - либо сам сошедший на землю Сын Великой Чайки, либо опередил свое время на тысячу лет

Джонатан : Вот она - цена непонимания. Либо Бог, либо дьявол. А сам-то ты как думаешь, Флетч? Опередили мы свое время?

Флетчер: Ну, в общем-то, всегда было можно научиться так летать. Нужно было только захотеть. Время тут ни при чем. Хотя, возможно, мы опережаем моду...

Джонатан: Это уже легче...

Флетчер в полёте, у него на пути молодая чайка, избегая столкновения, сворачивает, ударяется о скалу, падает

Флетчер: это исполинская твердая дверь в другой мир. Ужас, и шок, и удушливая тьма... А потом - покой незнакомого неба, воспоминания, забытье, опять воспоминания и снова - забытье. Страх... а после печаль и сожаление. Очень-очень глубокое сожаление.

Джонатан: Дело в том, Флетч, что мы пытаемся преодолеть границы своих возможностей постепенно, по порядку, не торопясь. Прохождение сквозь камень значится в нашей программе несколько позже.

Флетчер: Джонатан... А ты что здесь делаешь? А как же скала? Я что, не того... ну, не это... не умер, что ли?

Джонатан: Ну, Флетч, брось... Подумай: если ты со мной сейчас разговариваешь, стало быть ты определенно жив. Так? Просто тебе удалось достаточно резко сдвинуть уровень сознания. И теперь у тебя есть выбор. Хочешь – можешь остаться на этом уровне ... кстати, он гораздо выше

того, на котором ты находился прежде, а можешь вернуться обратно и продолжить работу в Стае. Их Старейшины, между прочим, так и ждали, чтобы с кем-нибудь из нас приключилось какое-либо происшествие, предпочтительно с летальным исходом. Так что, оставшись здесь, ты их весьма обяжешь. Они и мечтать не смели о столь роскошном подарке, и, главное - так своевременно...

Флетчер: Понятно. Разумеется, я возвращаюсь. Только-только новую группу набрал...

Джонатан: Очень хорошо, Флетчер. Помнишь, что мы говорили о теле? Тело есть мысль, облаченная в доступную восприятию форму?..

Флетчер шевельнул головой, расправил крылья и открыл глаза. Он обнаружил, что находится у подножия скалы, а вокруг него толпится вся Стая.

Стая: Ожил! Он умер, и он снова - живой!!!

2. Коснулся его крылом! Вернул ему жизнь! Сын Великой Чайки!

3. Да нет, он сам говорит, что не Сын! Он - дьявол! ДЬЯВОЛ!!! Да! Он пришел известить всю стаю!

Джонатан: Как полагаешь, Флетчер, не лучше ли нам сейчас отсюда убраться?

Флетчер: Я был бы, пожалуй, не против того, чтобы находиться где-нибудь подальше от этого места...

И мгновенно они оказались в полумиле от подножия скалы, а разинутые клювы обезумевших птиц, сомкнувшись, ухватили только воздух.

Джонатан: Почему, самое трудное на свете дело убедить свободного в том, что он свободен и что он вполне способен сам себе это доказать, стоит лишь потратить немного времени на тренировку?

Почему так?

Флетчер (никак не может прийти в себя от столь неожиданного поворота событий): Что ты сделал? Как мы здесь оказались?

Джонатан: Но ты же сам сказал, что не прочь оттуда убраться... Или нет?

Флетчер: Говорил. Но как это ты...

Джонатан: Очень просто, Флетчер. Так же, как и все остальное: практика.

Флетчер: Джонатан, помнишь, ты говорил как-то - давно уже - насчет любви к Стае, достаточной для того, чтобы возвращаться и учиться?

Джонатан: Помню, конечно.

Флетчер: Так вот, я не могу понять, как ты умудряешься любить эту тупоумную ораву, готовую в любой момент взбеситься и прикончить тебя. Как, например, вчера...

Джонатан: Ох, Флетч, кто же такое полюбит? Ненависть и злоба - вовсе не то, что следует любить. Научись видеть в них истинную Чайку,

воспринимая то лучшее, что в них есть, и помогая им самим это лучшее рассмотреть. Вот что я имел в виду, когда говорил о любви. Знаешь, как радостно, если это удастся!

И тебе удастся. А я больше не нужен тебе. Ведь ты уже нашел свой путь к свету... А мне пора...

Флетчер: Я?! Джон, я простая чайка, а ты...

Джонатан: (с насмешкой) единственный и неповторимый Сын Великой Чайки, не иначе? И не давай им распускать обо мне дурацкие слухи. Или делать из меня бога, хорошо, Флетч? Я - чайка. Ну, разве что люблю летать...

*А через мгновение тело Джонатана замерцало, перья его засияли, и он стал таять в воздухе
Свет, выход Стаи*

Флетчер: Для начала вам следует понять, что чайка есть ничем не ограниченная идея свободы, воплощение образа Великой Чайки, и все ваше тело от кончика одного крыла до кончика другого это только мысль.

Молодые чайки глядели недоумевающе.

Флетчер: Хм... Э-э-э... Ладно, начнем с освоения искусства горизонтального полета.

Нет ограничений, Джонатан? Тогда недалек тот день, когда я соткусь из воздуха на *твоем* берегу и кое-что расскажу тебе о том, как нужно летать!

1 чайка: Он старался выглядеть строгим перед нами,

2 чайка: Но вдруг увидел нас всех такими, каковы мы были в действительности,

3 чайка: Он рассмотрел нашу истинную сущность.

4. Это продолжалось недолго - всего лишь какое-то мгновение, но ему понравилось то, что он увидел, очень понравилось,

Флетчер: Вплоть до любви. Нет пределов, Джонатан?" -- И

Флетчер (улыбаясь) Так начинался мой собственный путь знания...

Музыка, полёт